

Совѣтская цензура

(По личнымъ воспоминаніямъ)

Д. Лутохина

Въ 1919 г., сначала при Обществѣ Взаимопомощи Литераторовъ и Ученыхъ, а затѣмъ самостоятельно, началъ А. Е. Кауфманъ выпускать ежемѣсячно небольшими тетрадами «Вѣстникъ литературы». Первоначально журналъ, главнымъ образомъ, посвященъ былъ «былому» русской литературы — и кромѣ того, давалъ рецензіи вновь выходящихъ книгъ и литературную хронику. Одно время это былъ единственный несовѣтскій журналъ въ Россіи. И потому имъ очень интересовались, особенно въ провинціи. «Вы не можете себѣ представить», говорилъ мнѣ одинъ провинціальный педагогъ, «какую роль игралъ для насъ этотъ журналъ. Какъ внимательно мы его читали, какимъ событіемъ было полученіе новаго номера»... Весной 1921 г. петербургскіе литераторы торжественно отпраздновали 2-хъ лѣтній юбилей журнала, устроивъ душевное чествованіе престарѣлаго редактора — создателя журнала. Два года — въ Совѣтской Россіи, да еще для неказеннаго журнала — очень большой срокъ — и поэтому «юбилей» не вызвалъ недоумѣній.

Провозглашеніе нэпа породило въ обществѣ надежды на смѣну политическаго курса. «Бытіемъ опредѣляется сознаніе» — одно изъ основныхъ положеній Маркса, и большевики, развязывая стихію народнаго хозяйства, какъ будто бы сами подготавливали раскрѣпощеніе жизни вообще. А. Е. Кауфманъ очень дорожилъ своимъ изданіемъ, очень берегъ его отъ цензурныхъ каръ, но все же нашелъ возможнымъ со второй половины 1921 г. нѣсколько измѣнить содержаніе журнала. Въ послѣднемъ стали появляться статьи публицистическаго характера, кое-гдѣ начинала проскальзывать робкая оппозиція. Въ одномъ же изъ послѣднихъ номеровъ «Вѣстника» за 21 годъ появилась небольшая статья Ю. И. Айхенвальда, съ превеликой наивностью, крайне ехидною, указывающая на неумѣстность въ Совѣтской Россіи чествовать память автора «Бѣсовъ». Нѣкоторые принимали эти мысли за чистую монету и начинали защищать... Достоевскаго. Большевицкіе же генералы статью поняли. Особенно негодовалъ московскій генераль-губернаторъ Каменевъ. Какой-то личный секретарь Ленина, пріѣхавъ въ Петербургъ, просилъ дать ему для патрона два полныхъ комплекта журнала. Грѣха таить нечего: старый редакторъ былъ и взволнованъ, и польщенъ такимъ вниманіемъ «высокихъ особъ». Никакихъ предостереженій, никакого усиленія цензурнаго гнета, несмотря на обнаружившіяся вдругъ къ журналу интересъ въ Кремлѣ, — не послѣдовало.

А. Е. Кауфманъ давно уже страдалъ сердечной болѣзнію и послѣднее время не разставался съ пузырькомъ нитроглицерина. Тѣмъ не менѣе ему приходилось

очень много ходить и постоянно быть въ работѣ. Гос. Издат. мѣнялъ типографіи, въ которыхъ разрѣшено было печатать «Вѣстникъ» — иногда распоряженіе о немедленной передачѣ заказа въ другую типографію дѣлалось, когда весь номеръ былъ уже набранъ. И старику нужно было бѣжать къ начальству: хлопотать объ отсрочкѣ распоряженія, улаживать дѣло въ типографіяхъ и т. п. Онъ былъ ревнивъ къ своему литературному дѣтищу и никого не подпускалъ къ изданію. Самъ вѣдалъ всеми редакціонными и техническими деталями выпуска журнала. Очень удручала его и матеріальная сторона дѣла. Конторы у журнала не было, журналъ сдавался на комиссію — а слѣдующія суммы уплачивались комиссіонеромъ иногда съ такой задержкой, что составляли къ моменту расчета при хроническомъ обезцѣненіи рубля дѣйствительно *quantité négligeable*. Единственно, на чемъ можно было наводить экономію — это на гонорарахъ сотрудниковъ. И они были мизерны. Старикъ очень волновался за будущее журнала. А тутъ начались еще расхожденія съ коллегами по корпораціи по вопросу о задачахъ литературныхъ учреждений... А. Е. почувствовалъ себя въ одиночествѣ. И сталъ быстро чахнуть. Въ декабрѣ 1921 г. его не стало. Смерть свою онъ предвидѣлъ и говорилъ мнѣ, что хотѣлъ бы видѣть во главѣ изданія Н. О. Лернера. Послѣдній, однако, желанія взять дѣло въ свои руки не обнаруживалъ. Между тѣмъ, все матеріалы редакціи Б. О. Харитонъ, по порученію вдовы покойнаго, передалъ мнѣ. Слѣдующій номеръ уже набирался. И я, будучи ближайшимъ сотрудникомъ А. Е. по журналу и однимъ изъ душеприказчиковъ покойнаго, съ согласія остальныхъ, взялъ на себя редактированіе журнала. Издательницей журнала была теперь вдова А. Е. — М. С. Кауфманъ. Кромѣ замѣтокъ, посвященныхъ памяти почившаго редактора, все остальные статьи были уже выправлены покойнымъ А. Е. И номеръ вскорѣ вышелъ, не встрѣтивъ какихъ-либо затрудненій въ цензурѣ. Второй двойной номеръ (38—39 отъ основанія журнала) я рѣшилъ выпустить, уже обновивъ его программу (введена была беллетристика, введены научныя статьи, усилена публицистика) и измѣнивъ самый «тонъ» журнала. Выпускъ слѣдующаго номера, въ которомъ были помѣщены неизданные тексты Пушкина, найденные П. Е. Щеголевымъ, хотѣлось приурочить къ Пушкинскимъ поминкамъ — дню его смерти. Номеръ нужно было представлять для полученія разрѣшенія на выпускъ револ. цензурѣ (предварительной цензуры для журнала не было). Вѣдала этимъ типографія. Изъ нея мнѣ вдругъ сообщили, что цензура номеръ задерживаетъ. А до Пушкинскихъ поминокъ оставался одинъ день. Пришлось ѣхать въ цензуру самому. Какой-то молодой человекъ, въ военной формѣ, сообщилъ мнѣ, что разрѣшеніе выпуска встрѣтило затрудненія. «Весь номеръ составленъ у Васъ черезчуръ... скользко», заявилъ онъ, — «двѣ-три статьи особенно насъ смутили. И мы послали номеръ въ Чека». — «Что же это предрѣшаетъ запрещеніе номера?» — спросилъ я. «Трудно сказать, вѣроятно же всего, что да. Подождите». Ждать пришлось цѣлый день. Я торопился, просилъ снести по телефону, но лишь часу въ 6-омъ вечера, когда почти все служащія цензуры разошлись, номеръ былъ возвращенъ изъ Чека съ резолюціей: «номеръ безусловно пропуститъ за исключеніемъ разсказа «Бандитъ», тоже не очень вреднаго». «Значитъ, и «Бандитъ» пропуститъ можно съ купюрами?» — спросилъ я. «Нѣтъ, — лучше отложите его до слѣдующаго номера, мы вчитаемся въ разсказъ и устранимъ въ немъ вредное», серьезно заявилъ мнѣ цензоръ. Пришлось на это пойти — но номеръ нужно было переверстывать — и къ Пушкинскому торжеству онъ, конечно, опоздалъ: номеръ былъ сравнительно большой, въ 5 листовъ. Вскорѣ послѣ выхода этого номера цензура была преобразована, учрежденъ былъ отдѣлъ печати при Гл. Полит. Управленіи, помѣстившійся въ Петербургѣ въ квартирѣ редакціи бывшаго «Правительственнаго Вѣстника», на Фонтанкѣ 57. Введена была для всехъ частныхъ изданій, какъ общій порядокъ, предварительная цензура. Я

началь представлять въ Г. П. У. матеріалы для слѣдующаго номера, какъ вдругъ получилъ лаконическое извѣщеніе отъ этого учрежденія о томъ, что дальнѣйшее изданіе «Вѣстника Литературы» прекращено. Пошелъ узнать — почему? — «За общее направленіе». — «По чьему распоряженію» — «Москвы». — «По чьей инициативѣ?» — «Не знаемъ». Я написалъ памятную записку, въ которой указалъ, что даже Пб. чека признала безусловно возможнымъ выпустить послѣдній номеръ, что никакихъ указаній о неумѣстности той или иной темы, той или иной статьи, того или иного сотрудника, редакція никогда не получала. Поэтому дѣлать ее отвѣтственной за номеръ, разрѣшенный и военной цензурой, и Чека, представляется неправильнымъ. Записку эту я послалъ въ Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ. Черезъ нѣкоторое время — по протекціи — мнѣ частнымъ образомъ сообщили, что записка моя разсматривалась, запрещеніе журнала признано было неправильнымъ, но отмѣнять распоряженія Г. П. У. сочло неудобнымъ. Предложили просить о разрѣшеніи подъ новымъ названіемъ журнала, обѣщали немедленно разрѣшеніе дать.

Между тѣмъ, пока шли переговоры съ Москвой, завѣдующій отдѣломъ печати въ Петербургѣ Быстрянской заявилъ мнѣ, что, хотя право разрѣшать новыя періодическія изданія у нихъ отнято и передано Москвѣ, онъ можетъ разрѣшить мнѣ изданіе неперіод. сборника. Обращаться въ Москву, гдѣ, какъ мнѣ было извѣстно, этимъ вопросомъ вѣдали злостные и не вполнѣ вмѣняемые Мещеряковъ и (врачъ по профессіи) Лебедевъ-Полянской, я не хотѣлъ и пошелъ на комбинацію съ выпускомъ сборниковъ, тѣмъ болѣе, что подписки на журналъ въ Р. С. Ф. С. Р. не существуетъ. Мнѣ было дано разрѣшеніе представлять матеріалъ на цензуру въ гранкахъ, причемъ болѣе «сомнительныя статьи» я давалъ на цензуру въ рукописи, чтобы не тратиться зря на наборъ. Я указалъ въ отдѣлѣ печати, что запрещеніе «Вѣстника Литературы» заставляетъ меня быть предусмотрительнымъ и что по отношенію къ статьямъ сколько-нибудь я буду самъ просить ихъ быть внимательнѣе. Разсказъ «Бандитъ», представленный въ цензуру подъ новымъ названіемъ «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ» и сильно передѣланный — былъ цензурой пропущенъ, причемъ очень смягчена лишь сцена разстрѣла «бандита». Рецензія А. С. Изгоева на изданіе Екатеринбург. Губисполкома «Изъ исторіи рабочаго движенія на Уралѣ» была запрещена цѣликомъ. Въ рецензируемой книжкѣ впервые появилось описаніе убійства Царской семьи и рецензія сжато, но передавая стиль повѣствователя, излагала исторію убійства. Запрещеніе было мотивировано такъ: «Писать о трегедіи (sic!) дома Романовыхъ можно лишь на основаніи строго проверенныхъ научныхъ матеріаловъ, которыми разбираемая книга не является, почему замѣтка невольно сводится къ запоздалой сенсаціи. Безусловно запретить». Въ нѣкоторыхъ статьяхъ кое-какія купюры были сдѣланы, но въ общемъ книга особенно не пострадала отъ цензуры и вышла безъ задержекъ. Военная цензура, въ которую книжку все же надо было представлять для окончательнаго разрѣшенія уже въ сверстанномъ видѣ, давала его безъ затрудненій. Книга вышла — и вызвала нѣкоторое раздраженіе въ совѣтской печати. Особенно не понравилось воспроизведеніе въ «Утренникахъ» рѣчи П. А. Сорокина на Университетскомъ актѣ, рѣчи, которая послѣ ея произнесенія 21 февраля 1922 г. вызвала неистовые доносы профессора Гредескула въ совѣтскихъ газетахъ, и еще больше не понравилась статья А. С. Изгоева «Судъ надъ терроромъ». Большую злобу — особенно въ провинц. коммунистической печати — вызвала и моя маленькая рецензія на книгу проф. Ошеля «Успѣхи хирургіи», гдѣ я рекомендовалъ эту книгу сторонникамъ политическихъ операцій, не используя ни наркоза, ни другихъ гуманныхъ приемовъ хирургіи... и указывалъ самую бесплодность операцій надъ сложными социальными организмами. Но въ общемъ особаго вниманія все же сперва книга не

вызывала. «Утренники – название такое дѣтское. Мы долгое время въ нихъ и не заглядывали» какъ бы оправдывался Зиновьевъ въ одной изъ своихъ рѣчей.

Однако, матеріаль, представленный для II книги, подвергнуть былъ уже болѣе тщательной цензурѣ. Статья П. Сорокина «Вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію» была цѣликомъ зачеркнута отдѣломъ печати. Статья проникнута необычайнымъ пессимизмомъ по отношенію къ будущему Россіи и написана очень сильно. Я предложилъ Быстрянскому помѣстить контръ-статью въ оптимистическомъ тонѣ. Ходилъ къ Быстрянскому объясняться и авторъ статьи. Вопросъ пересмотрѣли, но остались при прежнемъ рѣшеніи. Забраковала цензура и два сатирическихъ очерка М. Я. Козырева. Особенно интересно было описаніе имъ чудеснаго происшествія въ какомъ-то уѣздномъ городкѣ «Большеви», мѣстами напоминающее по силѣ и яркости «Исторію города Глухова». Послѣ моихъ настойчивыхъ требованій разрѣшить помѣщеніе этихъ очерковъ, подкрѣпленныхъ ссылкой на положительный отзывъ о литературномъ дарованіи автора на страницахъ «Московской Правды», мнѣ удалось все же отвоевать второй очеркъ «Прыгунки». Въ стихотвореніи М. М. Шкапской была зачеркнута красными чернилами послѣднія семь словъ стиха, гласившаго: «и взглядъ потерянный, невидящій и бѣлый тѣхъ, кто ведетъ по утру на разстрѣлы». Эти слова замѣнили многоточіемъ. Въ письмахъ Короленко, собранныхъ С. Д. Протопоповымъ, были выброшены строки, осуждающія уничтоженіе большевиками свободы печати. Моя краткая рецензія о выпущенномъ «Задругою» сборникѣ памяти Короленко, сводившаяся къ цитатѣ изъ предисловія сборнику, кажется, В. А. Мякотина – была вычеркнута цѣликомъ. Въ автобіографіи А. С. Яковлева было выброшено мѣсто, гдѣ онъ говоритъ о своемъ эсеровскомъ прошломъ, когда они мечтали «дать революціей курицу въ супѣ каждому крестьянину, а заставили его кушать собственныхъ дѣтей». Въ письмѣ въ редакцію А. С. Изгоева, гдѣ онъ отмѣчаетъ, что въ № 2 «Красной Нови» за 1922 годъ Воронскій «докладываетъ» начальству совершенно превратно мысли Изгоева въ его статьѣ «Личность и общество», помѣщенной въ «Вѣстникѣ Литературы», слово «докладываетъ» было замѣнено цензоромъ словомъ «сообщаетъ», а «Красная», совершенно не понятно почему, опущена. Въ статьѣ «Эстетическое дышло» проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго, присланной мнѣ передъ его отъездомъ въ Польшу, подданство которой онъ оптировалъ, было, дѣйствительно, опасное мѣсто. Цитируя одного древняго римскаго поэта, онъ приводитъ двустишіе, гласящее приблизительно такъ: «Слѣдую тѣмъ, кто такъ послѣдно покидаетъ Вашу республику: ея управляютъ нынѣ глупые юноши»... Цензоръ оказался классикомъ и двустишіе вымаралъ.

Любопытный эпизодъ произошелъ съ другой статьёй проф. Зѣлинскаго «Красная наука». Статья была помѣщена на двухъ гранкахъ. Первая гранка прислана изъ цензуры съ разрѣшительной надписью безъ помарокъ, вторая оказалась – цѣликомъ зачеркнутой. Я помѣстилъ тогда въ «Утренникахъ» начало статьи, подписавъ подъ ней «Продолженіе слѣдуетъ» и заявилъ цензурѣ, что снесусь съ авторомъ, прося его иначе изложить свои мысли, считаясь съ современными условіями русской печати, чего, конечно, я не сдѣлалъ. Мысли запрещенныя, даже при ихъ неизвѣстности, сильнѣе воздѣйствуютъ на общественное мнѣніе мыслей разрѣшенныхъ!..

Однако, когда вторая книга «Утренниковъ» вышла, въ типографію явились представители инспекціи надъ типографіями для разслѣдованія, почему начало статьи Зѣлинскаго «Красная наука» помѣщено было безъ тѣхъ купюръ, которыя цензура признала необходимыми. Оказалось, что цензоръ, получая по 2 экземпляра гранокъ, проглядываетъ первый экземпляръ, остающійся затѣмъ при дѣлахъ цензуры, а на другой экземпляръ помѣтки цензора переноситъ обычно канцелярія отдѣла печати, которая на этотъ разъ забыла перенести ихъ во 2-ой экземпляръ, посылаемый въ

типографію, почему мы и получили начало статьи безъ измѣненій. Невинность редакціи и типографіи были въ данномъ случаѣ совершенно очевидны, — однако, былъ составленъ протоколъ, а у отвѣтственнаго представителя типографіи отобрана была подписка о невыѣздѣ изъ Петербурга. Какія купюры хотѣла сдѣлать цензура въ началѣ статьи «Красная наука». я не знаю, но вторая ея половина была перечеркнута цензоромъ Цѣликомъ*.

* Первая половина заканчивалась вопросомъ: должна ли въ красномъ государствѣ проходить исключительно красная наука? Защитникамъ положительнаго отвѣта авторъ предлагалъ дополнительные вопросы:

«Какъ вы думаете осуществить эту исключительность прохожденія красной науки?» — «и что для васъ дороже: чтобы молодежь слушала исключительно красную науку, или чтобы она проникалась исключительно красными убежденіями?»

Вторая половина статьи проф. Зѣлицскаго гласила:

VIII.

«Какъ осуществить? Нетъ ничего проще. Невсправимыхъ мы усгранимъ отъ дела преподаванія; подозрительныхъ будемъ держать подъ бдительнымъ, хотя и негласнымъ, надзоромъ съ помощью образованныхъ нами ячеек; а взаменъ устраненныхъ введемъ новыхъ преподавателей, которые будутъ читать въ желательномъ для насъ духе.

Старые меры, много разъ практиковавшіяся и въ нашемъ Петербургскомъ Университетѣ отъ Рунича до Кассо! Можете ли вы серьезно утверждать, что они что либо принесли, кроме незавидной славы своимъ исполнителямъ?

Правда, первую меру можно осуществить безъ особаго труда; къ чему она поведетъ, это мы увидимъ въ дальнейшемъ, но ея практической осуществимости отрицать не приходится.

Труднее обстоитъ дело со второй. Я и здѣсь не ставлю вопроса, насколько одобрительна сама по себѣ эта вносимая въ университетскіе стѣны система цензуры, шпионства и доносовъ — о нравственности я вообще во всей этой статьѣ не говорю, о целесообразности скажу потомъ, здѣсь же идетъ речь только объ осуществимости. Я не представляю себѣ, какъ вообще можно контролировать профессорскіе лекціи. Конечно, профессор, зная, что за нимъ следятъ, будетъ воздерживаться отъ слишкомъ яркихъ сужденій; но разве они нужны. Во-первыхъ, у насъ имеется выработанный столетней практикой, совершенно неуловимый и неуязвимый эзоповскій языкъ; во-вторыхъ, я даже безъ всякаго сужденія однимъ подборомъ и группировкой фактовъ могу произвести желательное для меня впечатленіе; въ третьихъ, даже если бы вы могли контролировать то, что я говорю — того, о чемъ я молчу, вы контролировать не можете. А это подчасъ бываетъ важнее.

Что же касается третьей меры, то о ней даже трудно говорить безъ улыбки. Введемъ подходящихъ людей! Легко сказать; откуда вы ихъ возьмете? Ведь в томъ то и горѣ, что въ серьезной наукѣ таковыхъ нетъ. Вотъ вы и вводите, кого считаете возможнымъ; но уже та первенствующая роль, которую среди нихъ играетъ много разъ названный изобретатель, доказываетъ, что блеснуть вамъ нечемъ. Да вы и сами знаете имъ цену; а учащаяся молодежь, думаете вы, ихъ не раскуситъ?

IX.

Нетъ, приговоръ исторіи неутомимъ: контроль и насильственное направленіе научнаго преподаванія неосуществимы. Что толку в томъ, что вы передъ лицомъ всей Европы «откровенно и честно» отменили свободу науки? Конфуз вышелъ изрядный, а толку нетъ и не будетъ. Свобода — неотъемлемое достоинство науки; это доказала исторія уже не послѣдняго столѣтія только, а всего тысячелѣтія слишкомъ новой исторіи. Античность на свободу науки не посягала — она была для этого слишкомъ умна. А смехотворные, хотя порой и жестоки попытки новыхъ временъ, уподобили ея колобку нашей народной сказки. Подобно ему, и она можетъ сказать: «я отъ схоластики ушла, я отъ инквизиціи ушла, я отъ пуританизма ушла, я отъ абсолютизма ушла, я отъ Рунича ушла, я отъ Кассо ушла — и отъ васъ, товарищъ имярек, и по-давно уйду»...

Винюватъ, сравненіе какъ будто хромаетъ: дело в томъ, что колобокъ подъ конецъ былъ все-таки сѣденъ лисцей. — Но нетъ, все в порядкѣ: «ибо лисица, говарищи — имяреки, — не вы. Для этого вы слишкомъ и откровенны, и честны.

X.

Довольно, однако, объ этомъ; переходимъ ко второму вопросу. Что важнее для васъ: чтобы молодежь слушала одно красное (прошу прощенья за путаницу чувственныхъ воспріятій) или чтобы она становилась красной?

Вы скажете, конечно, что тутъ никакой разделительности нетъ, что первое — естественное условіе второго: именно тогда она и станетъ красной, когда будетъ слушать одно только красное. И в томъ, что вы этому серьезно поверили, и заключается наша колоссальная наивность, ваше полнейшее непониманіе психологич.

Ведь, если даже допустить, что съ кафедры раздается слово не такого дворянина на безлюдіи, какъ много разъ нами означенный Фома, а убежденное красное слово неопороченнаго человѣка; если допустить

На этомъ я прерву изложеніе исторіи цензурныхъ преслѣдованій «Утренниковъ» и перейду къ исторіи журнала «Экономистъ», такъ какъ впослѣдствіи пути ихъ совпали. Но для этого нужно начать нѣсколько издалека.

Въ январѣ 1921 г. я былъ выбранъ товарищемъ предсѣдателя Промышленно-Экономическаго отдѣла Русскаго Техническаго Общества, предсѣдателемъ же Е. Л. Зубашевъ, бывшій директоръ Томскаго Технологическаго Института, высланный въ свое время изъ Томска министромъ вн. дѣл В. К. Плеве, а впослѣдствіи избранный въ члены Государств. Совѣта отъ торгово-промышленной группы. Е. Л. Зубашевъ лишенъ былъ возможности удѣлять многу времени предсѣдательствуемому имъ отдѣлу Об-ва и все веденіе дѣла довѣрилъ мнѣ. Я прежде всего организовалъ рядъ засѣданій, посвященныхъ вопросамъ послѣ-военной экономики. Засѣданія шли очень оживленно. Доклады дѣлались обстоятельные, возбуждали къ себѣ большой

далее, что поглощенное умственно содержаніе так же механически окрашивает душу юности, как выпитая комаром крови его тело — долго ли такая окраска останется нелинейной? В Университете вы всячески берегли его от науки нежелательных оттенков, а в жизни он встретится с ними на каждом шагу, т. е. в такое время, когда ему нельзя будет говорить своему учителю свои сомнения. Нет, зачем же, скажете вы: эти учителя должны тоже излагать на своих лекциях мнения противников — конечно, для того, чтобы их опровергать. — Позвольте полюбопытствовать: излагать хорошо или плохо? Если хорошо, то зачем же вам было устранять этих противников? Ведь они, надо полагать, гораздо лучше в состоянии изложить свои собственные мнения. Если же — плохо, то что вы выиграете? Ваш юноша будет беспомощен в споре с каждым, кто изложит их лучше, будь то человек или книга.

Древние философы — профессора афинских школ нарочно посылали своих учеников слушать лекции философов иных направлений — именно для того, чтобы их для себя сохранить. Это были умные люди.

Но это не все и даже не главное.

XI.

Главное то, что сама теория, о которой здесь идет речь, основана на психологической ошибке. Человек проникается теми убеждениями, которые ему внушают — в самом деле? Иногда да, но иногда и нет; вы же создаете все условия для того, чтобы результат получился отрицательный.

Позволю себе тут процитировать самого себя. Лет 17 тому назад, когда упрямый нынче строй был еще очень сильным и те же меры, как и ныне, применялись в интересах не красной, а черной науки, я в следующих словах протестовал против них (Из жизни идей т. II, стр. 240, 2-го издания — цитирую его, так как я этого экскурса уже не переиздавал):

«Ученики, особенно старших классов (а студенты, прибавлю теперь, тем более) очень ревниво относятся ко всяким воздействиям на их чувства; всегда они, сознательно или инстинктивно, ставят преподавателю вопрос: «да сам-то ты по убеждению говоришь?» Почему всякие оппозиционные учения, даже самые несостоятельные, так сочувственно воспринимаются учениками? Потому, что они знают: говоря нам это, учитель рискует своей карьерой — значит, он убежден. Внутренние критерии правды доступны лишь немногим; большинство заменяет их внешними: «правда — это то, за что человек готов пострадать».

Это было напечатано, повторяю, в 1905 году; полагаю, что случившееся двенадцатью годами спустя вполне подтвердило правильность моего предостережения. Теперь победоносная партия применяет те же меры для укрепления своей собственной позиции в головах и сердцах молодежи; и разве мы не видим, как она, чем далее, тем более теряет почву и в тех, и в других? Бывшее большинство стало меньшинством, а кто присмотрелся к составу этого меньшинства и к его умственному и нравственному уровню, тот и подавно будет склонен поставить на нем крест.

XII.

Переубедит ли это рассуждение моих противников? Мы вообще народ мало переубедимый и не сдаемся даже перед очевидностью; вывернуться каким нибудь риторическим фокусом всегда можно. А тут, пожалуй, даже этого не нужно.

Я не хотел преждевременно смущать себя и своих читателей, но теперь признаюсь: во время всего этого спора я видел на лице моих противников улыбку — не то насмешливую, не то презрительную.

— Мы вовсе не так наивны, как вы воображаете. Мы прекрасно знаем, что то студенчество, о котором вы говорите — студенчество интеллигентное, сознательное, одним словом — настоящее — не за нас. Мы, поэтому, сами на нем поставили крест... или вернее, поставили бы, если бы таковой имелся в нашем распоряжении. Но зато в нашем распоряжении иная молодежь, с иной психологией, не столько обриванная, сколько натасканная необходимыми специальными знаниями и, прежде всего, пропитанная ненавистью. Для нее то, в сущности, товарищ-имирек и изобрел красную науку. Вы совершенно напрасно изволили волноваться: из всех ваших стрел ни одна не попала в цель.

Да, если так, то это — опять новая постановка вопроса. Ну, что-ж, хорошо, что хоть до этого договорились..»

интересъ — тѣмъ болѣе, что обстановка засѣданій допускала полную свободу сужденій. Лиць, сколько-нибудь подозрительныхъ, на засѣданіяхъ замѣтно не было. Какъ-то, въ срединѣ лѣта 1921 г., на засѣданіе заглянулъ очень энергичный молодой издатель А. С. Каганъ, до того у насъ не бывавшій. Послѣ засѣданія мы вышли вмѣстѣ и А. С. предложилъ мнѣ организовать изданіе вѣстника отдѣла. Я считалъ мало вѣроятнымъ разрѣшеніе спеціальнаго экономическаго журнала, но заявилъ полное согласіе отъ имени отдѣла на возбужденіе надлежащаго ходатайства. Совѣтъ Об-ва по докладу отдѣла утвердилъ ред. коллегію журнала, въ составѣ 12 лицъ, изъ среды экономистовъ-практиковъ и теоретиковъ, и одобрилъ предложенное мною наименованіе: «Экономистъ».

Пока получено было разрѣшеніе на журналъ, пока собирался матеріалъ, пока онъ печатался — прошло нѣсколько мѣсяцевъ — и первая книга «Экономиста» вышла въ декабрѣ 1921 г. Потомъ дѣло пошло живѣе. Вторая книга вышла уже въ февралѣ 22 года. Ни первая, ни вторая книга цензурнымъ преслѣдованіямъ не подвергались. Даже въ части Совѣтской печати — нѣкоторыхъ спеціальныхъ журналахъ — къ «Экономисту» отнеслись почти привѣтливо. Зато и петерб. и моск. газеты открыли противъ него ожесточенную кампанію.

Долженъ сознаться, что гоненія противъ журнала, а пожалуй и самую высылку и его сотрудниковъ, а съ ними заодно и многихъ другихъ интеллигентовъ, спровоцировалъ, — конечно bona fide — авторъ настоящей статьи, въ чемъ и считаю нужнымъ чистосердечно покаяться!..

Разсылая «Экономиста» для отзыва разнымъ лицамъ, я счелъ нужнымъ послать одинъ экземпляръ перваго и втораго номера В. И. Ленину. Для вѣрности эта посылка осуществлена была черезъ управляющаго дѣлами Совѣта Нар. Ком., Н. П. Горбунова, одинъ изъ родственниковъ котораго былъ моимъ сослуживцемъ. Хотя на книгахъ было помѣчено «отъ редакціи», самъ Ленинъ эпизодъ съ полученіемъ ихъ изложилъ неполно. Въ № 3 журнала «Подъ знаменемъ марксизма» за 22 годъ Ленинъ разразился статьей противъ «Экономиста», въ которой отмѣтилъ, что одинъ молодой коммунистъ съ восторженнымъ отзывомъ принесъ ему «Экономистъ»: коммунистъ тотъ де или плохо читалъ его, или не понялъ. О томъ, что журналъ присланъ былъ ему отъ редакціи, Ленинъ не упомянулъ. Журналъ, по мнѣнію Ленина, преслѣдуетъ сознательно или безсознательно крѣпостническія тенденціи, и Ленинъ совѣтуетъ господамъ, подобнымъ сотрудникамъ «Экономиста», предложить проѣхать въ Зап. Европу, чтобы на своей шкурѣ они оцѣнили прелести той «демократіи», о которой мечтаютъ для Россіи. (Ленинъ уже тогда не могъ различить «крѣпостничества» отъ «демократизма»...) Статья написана была Ленинымъ на одрѣ болѣзни — вѣроятно, въ одинъ изъ свѣтлыхъ промежутковъ — и являлась какъ бы его политическимъ завѣщаніемъ — блюсти за «крѣпостниками изъ интеллигенціи». Г. П. У. статью приняло къ свѣдѣнію и началась подготовка списковъ тѣхъ, кого надлежало ознакомить съ «прелестями демократіи на Западѣ», благо прецеденты съ высылкой за-границу уже были: высланы были туда меньшевики, выслана была и Е. Д. Кускова съ мужемъ С. Н. Прокоповичемъ. Въ то же время до насъ начали доходить слухи, что «Экономистъ» будетъ запрещенъ. Однако, третью книгу удалось выпустить въ началѣ мая. Рядъ статей оказался крайне пострадавшимъ отъ цензурной правки. Но послѣ статьи Ленина и всевозможныхъ зловѣщихъ слуховъ приходилось радоваться и тому, что журналъ еще можно было выпускать, и на всякій случай я пустилъ слѣдующую книгу двойной по объему, помѣтивъ на обложкѣ: № 4–5. Увы! Объемъ книги вышелъ гораздо меньше предполагаемаго. На этотъ разъ цензура рвала и метала. Три статьи были совершенно запрещены. Запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса «Объ историческихъ

корняхъ русской революціи», заготовленная имъ за нѣсколько мѣсяцевъ до того для другого журнала, не осуществившагося по волѣ начальства; статья А. С. Изгоева, являвшаяся первымъ опытомъ ввести въ «Экономистъ» внутреннее обозрѣніе, а также переводъ замѣтки одного нѣмецкаго экономиста, кажется, Лентца, о русскомъ золотомъ фондѣ. Почему запрещена была статья Б. Д. Бруцкуса, мнѣ и до сихъ поръ не понятно, хотя Зиновьевъ съ большимъ озлобленіемъ огласилъ на съѣздѣ Р. К. П. большую цитату изъ этой статьи, очевидно, бывшей у него въ гранкахъ. Потомъ, вѣроятно, спохватившись, что цитировать статьи, не увидѣвшія свѣта, не очень удобно, онъ выбросилъ это мѣсто рѣчи изъ отдѣльнаго изданія послѣдней. Статья А. С. Изгоева, возможно, была запрещена потому, что авторъ ея, между прочимъ, подробно останавливался на дѣятельности редактора Петерб. «Правды» Сафарова въ Туркестанѣ, гдѣ онъ неудачно вѣдалъ экон. политикой края, борясь съ крупными формами хозяйства и возстановливая хозяйство натуральное, почему и былъ затѣмъ отозванъ. Сафаровъ въ Петербургѣ сдѣлался очень причастенъ къ дѣятельности Чека, даже въ своихъ статьяхъ онъ нерѣдко подготавливалъ публику къ особо важнымъ и волнующимъ актамъ сего учрежденія, а вскорѣ затѣмъ и заступилъ Быстрянскаго, въ качествѣ завѣдующаго отдѣломъ печати Г. П. У...

Другихъ объясненій запрещенія статьи А. С. Изгоева не придумать. Развѣ могло имѣть еще значеніе то обстоятельство, что она цѣликомъ была основана на свѣдѣніяхъ совѣтской печати, а большевики особенно раздражаются, когда ихъ бьютъ ихъ же оружіемъ!

Замѣтка Лентца запрещена была мотивированно: авторъ, по мнѣнію цензора, стремился доказать, что золотой фондъ Совѣтской Республики будетъ скоро исчерпанъ. Слѣдуетъ оговорить, что въ дѣйствительности Лентцъ утверждалъ — на основаніи ряда цифръ, — что у Правительства Кремля больше золота, чѣмъ оно официально показывается... Да, не пропущена была еще цензурой моя рецензія на книгу Г. Г. Швитцау. Почти всѣ остальные статьи болѣе или менѣе отъ цензуры также пострадали. Изъ статьи «Россія и международный рынокъ» была выброшена даже большая цитата изъ стихотворенія Демьяна Бѣднаго, помѣщенная въ Извѣстіяхъ В. Ц. И. К.-а. Въ статьѣ «Наши финансы въ 1918—20 гг.» вычеркнули, между прочимъ, ссылку на циркуляръ Наркомфина, запрещающій примѣнять тѣлесное наказаніе при взысканіи налоговъ, что по словамъ циркуляра имѣло мѣсто въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Р. С. Ф. С. Р. Въ статьѣ «Голодъ и идеологія общества» П. А. Сорокина всѣ соображенія послѣдняго о причинахъ и мотивахъ участія интеллигенціи не голодающей въ коммунистическихъ движеніяхъ, которыя онъ характеризуетъ, какъ продуктъ голода, выправили весьма внимательно. Въ статьѣ «Значеніе Мурманской ж. д. въ хозяйственной жизни Россіи» цензура взяла даже подъ защиту Царское правительство, по мнѣнію автора, въ своей экономической политикѣ игнорировавшее потребности населенія. Соответствующій абзацъ цензура выбросила. Очевидно, только потому, что «на ворѣ шапка горитъ»...

Но такъ или иначе, въ концѣ іюня вышла и эта 4—5 книга «Экономиста».

Вскорѣ послѣ того въ СПБ. «Правдѣ» появилось письмо въ редакцію Льва Марковича Василевскаго, въ которомъ онъ сообщалъ, что выходитъ по политическимъ мотивамъ изъ состава сотрудниковъ «Экономиста». Въ дѣйствительности, г. Василевскій не былъ приглашенъ въ сотрудники «Экономиста», а, явившись ко мнѣ въ качествѣ зятя покойнаго А. Е. Кауфмана, просилъ помѣстить его статью о голодѣ въ «Утренникахъ». Ввиду того, что статья для послѣднихъ не подходила, а была не безынтересна, я помѣстилъ ее, съ согласія автора, въ «Экономистѣ», устранивъ въ ней безтактныя выходки противъ дѣятельности въ провинціи представителей АРА. Вотъ въ чемъ

выразилось сотрудничество г. Василевскаго въ «Экономистѣ» — и письмо его въ редакцію на меня произвело тогда впечатлѣніе доноса.

Между тѣмъ, по Петербургу ходили какіе-то молодые, совсѣмъ неграмотные чекисты, собиравшіе свѣдѣнія о томъ, гдѣ какой литераторъ живетъ. Узнавъ, заходили въ соответствующій Управдомъ и спрашивали, кто изъ жильцовъ дома еще литературой занимается...

13 іюля я получилъ отъ петербургскаго отдѣла печати Г. П. У. извѣщеніе о томъ, что по распоряженію Москвы дальнѣйшій выходъ журнала «Экономистъ» запрещенъ, а черезъ недѣлю я былъ уволенъ отъ службы въ бумажной промышленности, гдѣ работалъ съ 1918 года.

Я зашелъ въ Г. П. У., чтобы разузнать причины запрещенія, но ихъ мнѣ не сообщили. Только заявили, что такое же распоряженіе одновременно получено и по отношенію къ «Утренникамъ», но такъ какъ послѣдніе выходили не какъ період. изданіе, то они не сочли нужнымъ меня объ этомъ предварительно извѣстить.

16 августа утромъ я подалъ Быстрянскому два прошенія: одно о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ «Экономистическій магазинъ», причемъ я указывалъ, что названіе мною заимствовано у масона Новикова, издававшаго подъ этимъ названіемъ особыя приложенія къ «Московскимъ Вѣдомостямъ» въ 1779—84 гг. (привожу годы на память). Другое — о разрѣшеніи издавать альманахъ «Млечный путь». Этимъ названіемъ я хотѣлъ намекнуть на то, что альманахъ будетъ отражать настроеніе не «штаба контръ-революціонной буржуазіи», которымъ Зиновьевъ объявилъ на съѣздѣ РКП. редакцію «Экономиста», а безчисленнаго множества людей, волею исторіи оказывавшихся подданными правительства РКП. и Коминтерна.

Я захватилъ съ собою къ Быстрянскому на всякій случай и рукописи для обоихъ сборниковъ, но онъ ихъ не взялъ: «Подождите нѣсколько дней — мы разсмотримъ сначала вопросъ принципиально».

Я полюбопытствовалъ, какой долженъ быть подборъ рукописей, чтобы застраховать сборники отъ участи «Экономиста» и «Утренниковъ». «Вотъ не хорошо, что у васъ не пишутъ коммунисты. А потомъ не нужно касаться политики» — заявилъ онъ. — «Очень трудно установить, что съ вашей точки зрѣнія является политикой, и кастрировать себя, вытраивая въ себѣ какую-то «политику» писателю не всегда легко. Ужъ пусть этимъ занимается цензура... Цензуруйте, какъ хотите, на то — вы диктаторы, но дайте возможность продолжать литератору заниматься своимъ дѣломъ. Ему, вѣдь, теперь труднѣе писать, чѣмъ при Николаѣ I» — откровенно высказалъ я завѣдующему отдѣломъ печати.

Въ ту же ночь и я, и еще 161 человекъ были въ разныхъ мѣстахъ Россіи арестованы по одному списку, утвержденному ВЦИК.* Всѣмъ намъ было предъявлено обвиненіе по ст. 57 совѣтскаго угол. кодекса, а затѣмъ предложено подать прошенія о разрѣшеніи на выѣздъ за-границу. До оформленія отъѣзда петербуржцевъ около 3 мѣсяцевъ держали въ тюрьмѣ. Допрашивали меня только разъ — и допросъ свелся лишь къ «интервью», какъ я отношусь къ структурѣ Сов. государства и къ системѣ пролетарской власти, къ с-рамъ, савинковцамъ и смѣновѣховцамъ и т. д. Интервью сдѣлано было слѣдователемъ по «шпаргалкѣ», состоявшей изъ 6 стереотипныхъ вопросовъ. Ничего конкретнаго слѣдствіе узнать не желало.

* Покойный Д. С. Зерновъ, участвовавшій въ коллегіи «Экономиста», рассказывалъ мнѣ, что онъ былъ включенъ въ этотъ списокъ, но изъ него по требованію Главпрофобра (отдѣлъ комиссаріата нар. пр., завѣдующій профессиональнымъ образованіемъ) исключенъ.

Уже послѣ освобожденія, ко мнѣ на домъ являлся молодой чекистъ, допытывавшійся, кто такой Гадаевъ, будто бывший моимъ сотрудникомъ. Увы! Я не могъ удовлетворить его любопытства, ибо такая фамилія мнѣ совершенно не извѣстна. Вотъ и все — «слѣдствіе».

Пока я находился въ тюрьмѣ, какъ-то ко мнѣ на квартиру зашелъ какой-то служащій отдѣла печати и сообщилъ моимъ родственникамъ, что одно изъ моихъ прошеній о разрѣшеніи мнѣ издавать сборникъ (не знаю, какой) удовлетворено и что нужно представить на цензуру рукописи.

Я этого не сдѣлалъ. Я былъ радъ, что знакомство съ совѣтской цензурой кончилось еще благополучно.

Сидя въ Г. П. У. на Гороховой я схватилъ жестокой ревматизмъ, сдѣлавшій мою высылку невыполнимой до начала февраля 23 г. Я еще и тогда не оправился отъ болѣзни, но спѣшилъ уѣхать. А вдругъ-де передумаютъ — и примѣнятъ иную мѣру наказанія.

О томъ, за что конкретно меня высылаютъ, мнѣ, правда, не объяснили, но было очевидно, что высылаютъ за литературную «анти-совѣтскую» дѣятельность. Оцѣнивали ли ее иначе тѣ цензора, которые разрѣшали инкриминируемые мнѣ изданія, я не знаю... Можетъ быть, имъ предложено было до поры — до времени дать людямъ выговориться... Можетъ быть, этого и не было. Когда-нибудь историкъ освѣтитъ этотъ интересный эпизодъ въ исторіи русской печати при диктатурѣ пролетаріата. Вѣроятно, объяснитъ онъ также, почему Г. П. У., разрѣшающее добровольный выѣздъ за-границу только «благонадежнымъ» лицамъ, часть «неблагонадежныхъ» туда высылаетъ, ссылая другихъ въ Обдорскъ и прочія внутреннія мѣста отдаленныя.

Но послѣдній вопросъ уже выходитъ за рамки темы настоящей статьи.